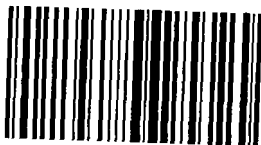

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В.Ломоносова

Институт переподготовки и повышения квалификации преподавателей
гуманитарных и социальных наук

005008824

Серенков Юрий Сергеевич

На правах рукописи
Серенков

**ОСОБЕННОСТИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДОВАНИЯ
ЛИТЕРАТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ
(НА МАТЕРИАЛЕ «АРТУРОВСКОЙ ЛЕГЕНДЫ»)**

Специальность 24.00.01 – теория и история культуры

2 ФЕВ 2012

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора культурологии

Москва - 2012

Диссертация выполнена на кафедре культурологии Института переподготовки и повышения квалификации преподавателей гуманитарных и социальных наук Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, профессор
Вашенко Александр Владимирович

доктор филологических наук, профессор
Ястребов Андрей Леонидович

доктор культурологии, профессор
Анохина Надежда Константиновна

Ведущая организация:

Российский институт культурологии

Защита состоится 22 февраля 2012 г. в 15 часов на заседании диссертационного совета Д 501.001.92 по теории и истории культуры при Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова по адресу: 119992, г. Москва, Ленинские горы, 2-й учебный корпус гуманитарных факультетов МГУ, ауд. 849.

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова (2-й учебный корпус гуманитарных факультетов МГУ).

Автореферат разослан «19» января 20 12 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,

доктор культурологии, доцент

В.И. Бажуков

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИИ

Актуальность исследования. Специфика современного состояния общественной жизни отмечена нарастающим вниманием к проблеме наследования культурами ценностей прошлого, нередко именуемых традиционными, в частности – традиционных ценностей, воплощенных в литературных текстах. Интерес к данной теме велик в современной культурологии: существует мнение, что сама культурология – это «ответ культуры на травму детрадиционализации»¹. Среди последствий детрадиционализации национальных культур – изменение исторически устоявшихся ценностных парадигм, активизация процессов контаминации и вытеснения осевых/центральных составляющих нематериальной культуры. Литературоцентризм русской культуры XIX в. сменяется «центризмом» развлекательных медиа в массовой культуре России XXI в., трактующих литературу как один из знаков неактуального «культурного» прошлого, либо пародирующих общие места литературных произведений, известных образованной массе.

Происходило когда-либо и происходит ли подобное в западных культурах? Какое отношение к русским литературным традициям можно ожидать в культурном будущем России, учитывая современные тенденции к вестернизации жизни и «англофонизации» обыденной речи, замене органичного «традиционного» бытия последовательной реализацией культурных «паттернов», до недавнего времени неведомых русским? С какими последствиями экспансии массовой иностранной литературы, как переводимой на русский язык, так и перерабатываемой в недискурсивные формы, может столкнуться российская культура, обретут ли реальность идеи, образы, поведенческие стандарты, транслируемые подобной литературой в социум?

Теоретическое осмысление вопросов культурного наследования литературных традиций началось значительно позже формирования канонов национальных литератур и распространения их ключевых текстов за пределами национальных территорий и словесностей и происходило по магистральным направлениям исторической поэтики, компаративистики, структурной семиотики. Культурологический анализ применялся редко и, как правило, имел фрагментарный характер. Сегодня фактически не используются по отношению к изучению наследования литературной традиции теоретико-методологические положения, составляющие основу культурологического анализа: исследование

¹ См.: Балла О. Из заметок к критике культурологического разума // Знамя. – 2009. – №2. – С.74.

культурных основ литературной деятельности как одного из важных видов социальной активности; целостное рассмотрение различных элементов культуры, оказывающих регулирующее и определяющее воздействие на практику передачи и наследования литературной традиции; изучение системы ценностей и норм, регулирующих деятельность различных субъектов литературной традиции; анализ существующих в обществе аккультурационных стратегий, выбираемых индивидом при «столкновении» с чужой литературной традицией, как непреодолимой данностью; исследование в качестве явлений культуры практик, сопряженных с передачей и наследованием литературных традиций; коммуникативные особенности при встраивании традиций в иные культуры, изучение знаково-символической компоненты литературной традиции. Вследствие этого в отечественной культурологии не достает единой теории культурного наследования литературной традиции. Поэтому представляется важным и необходимым посмотреть на культурное наследование литературной традиции с культурологической точки зрения – как в статике сложившихся национальных культур, так и в динамике перемен, обусловленных «волей» ряда литературных традиций к транскультурной мобильности.

В диссертации речь идет о культурном наследовании аксиологии, символики, сюжетно-мотивной иероглифики так называемой «Артуровской легенды» культурами Великобритании и США. Исследование процесса культурного наследования литературной традиции, сформировавшейся вокруг «Артуровской легенды», как и культурологической специфики самой легенды, может сыграть немаловажную роль в осмыслении методологического аппарата культурологии начала XXI в.: образ Артура оказал глубокое влияние не только на культуру Британии, но и на мировую культуру в целом. В XXI в. Артур представляется не столько легендарным героем, либо литературным персонажем, сколько культурным символом, и в качестве последнего подлежит культурологической интерпретации. Как известно, О. Шпенглер, работая над классификацией «культурных кругов», называл европейскую культуру не только «фаустовской», но и «артуровской»¹. Выросши из сугубо региональных масштабов, «Артуровская легенда» (*The Arthurian Legend*) обретает сначала национально-британские, а потом и общеевропейские семантические обертоны.

Однако в XIX–XX вв. главный вектор наследования традиции, сложившейся в ходе эволюции легенд «артуровского» цикла в национальных литературах, простирается между Великобританией и США, что едва ли можно объяснить только политической ситуацией, частично общими генетическими корнями, языковым фактором и сходством уклада. В условиях усиливающихся

¹ Эрлихман В. Король Артур. М.: Молодая гвардия, 2009. – С. 7.

интеграционных тенденций в культурных, экономических и политических отношениях России и США по-прежнему актуальным остается понимание культурной организации страны, которая, в силу сложности и определенной противоречивости, не прояснена полностью и самими американцами¹. Материалы и выводы данной диссертации, в свою очередь, проливают свет на важные черты американской ментальности и общие особенности культуры США в XIX и XX вв. Исследуемая литературная традиция «Артуровской легенды» на определенном этапе приобретает социальное измерение именно в США: мощная сеть «артуровских» молодежных организаций в 1900-1930-е гг., политика «Камелота» во времена президента Дж.Ф. Кеннеди², возрождение Камелота «новым рыцарем плеяды Кеннеди» Бараком Обамой³ и т.д., поэтому очевидна целесообразность исследования именно этой традиции, как и порожденного ею (и мало представленного в современной отечественной науке) культурного пласта современной артурианы. Отмеченные обстоятельства обуславливают важность, своевременность и актуальность культурологического исследования как британского, так и, особо детальным образом, американского культурного наследования литературной традиции «Артуровской легенды». *Наследование одной литературной традиции несколькими культурами* – достаточно сложный, многоуровневый процесс, механизмы и инструментарий которого неоднородны, так как происходят из различных культурных «пределов»: ценностно-нормативного, духовно-идеологического, знаково-символического. Учитывая сложность и многогранность этого явления, недостаточную изученность его социального-культурного функционирования и роли, отводимой наследуемым литературным традициям в созидании и сохранении образов национальных культур – как порождающих, так и принимающих литературные традиции, необходимо признать актуальность углубленного исследования причин, форм и динамики культурного наследования литературных традиций.

Степень научной разработанности проблемы. Представленное в диссертации исследование культурного наследования литературных традиций предпринимается впервые. Вместе с тем отдельные аспекты заявленной научной проблематики изучались в рамках различных методологий, научных парадигм и исследовательских школ. Зарубежные и отечественные научные работы, непосредственно либо косвенно касающиеся культурного наследования литера-

¹ Об этом свидетельствуют недавние американские исследования политологического характера: Видал Г. Почему нас ненавидят? Вечная война ради вечного мира. Очерки и эссе. М.: АСТ, 2003; Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М.: АСТ - Транзиткнига, 2004.

² Chomsky N. Rethinking Camelot. N.Y.: Doubleday, 1993.

³ Tucker, N. Barack Obama, Camelot's New Knight: The Shining Armor of JFK's Legacy // Washington Post. – January 29, 2008. – P.1.

турной традиции, можно разделить на несколько направлений. Выделим основные дисциплинарные подходы, концептуальные направления, методологические приемы, в рамках которых рассматривалась актуальная для данного исследования проблематика.

Неоднородность процесса культурного наследования в широком его понимании обусловлена исторически, т.к. сопряжена со специфическим видением отношений настоящего и прошлого в различные периоды становления национальных культур. Переход от понимания настоящего как возникающего из «бездвременного» прошлого к пониманию настоящего в непосредственной связи со всем, осознанным и сформулированным предшествующим поколением, происходит в эпоху Возрождения и позже приводит к представлению о традиции как переменной величине (Кант, Новалис, Фрейд, Беньямин, Гадамер, Мангейм). В литературоведческой теории подобное понимание традиции характерно для ряда крупных ученых XX века: Э. Ауэрбаха, Г. Блума, Дж. Бейта, А. Гуди и Дж. Уатта, Ф.Р. Ливиса, П. Роджерса, Р. Сейла. Наследование литературных традиций является частью процесса наследования культурных ценностей. Литературная традиция – это обусловленная спецификой «письменных» культур форма культурно-исторической традиции, мыслящаяся как процесс передачи субъективной интерпретации человеческого опыта, оформленной в виде текста, и последующей субъективной интерпретации принятого текста, в ряде случаев подразумевающей ответ. В настоящей диссертации понимание традиции как переменной величины, отражающей динамику непрекращающейся коммуникации прошлого и настоящего, адаптируется к нуждам исследования процесса передачи и трансформации определенной литературной традиции как внутри культур, так и между культурами.

Сущность и особенности культурного наследования традиций, понимание хода процесса и работы механизмов культурного наследования проясняются в трудах известных представителей культурологии, социологии культуры, социальной и культурной антропологии, социальной философии, занимавшихся проблемами наследования и социальной коммуникации. В числе авторов этих трудов следует назвать Т. Адорно (проблема трансформации традиций в эпоху модерна), Б. Андерсона, У.С. Бейнбриджа (проблема «культурных генов» традиции), В. Беньямина, Дж. Боаса (традиция в рамках теории культурно-исторических циклов), Э. Хайссена, М. Хальбвакса (проблемы наследования и культурной памяти), Э. Тарговски, Е. Шацкого, Т.С. Элиота (проблема социального узуса литературы, в том числе в «информационном» обществе).

Анализ содержания и исторических этапов развития культурологии, рассмотрение теоретических концепций, разработанных классиками культуроло-

гической мысли, раскрытие особенностей основных направлений культурологического знания, в том числе знания о культурном наследовании содержатся в трудах российских исследователей, занимающихся как концептуальными вопросами культурологии, так и проблемой традиции в рамках культурологии, философии культуры, социологии культуры. Это работы Е.С. Алексеенковой, Н.К. Анохиной, В.И. Бажукова, Е.В. Волковой, Л.П. Воронковой, А.Б. Гофмана, Б.С. Ерасова, М.В. Захарченко, Л.Г. Ионина, А.В. Костиной, Т.В. Лобановой, В.М. Межуева, Л.З. Немировской, А.А. Оганова, В.Л. Рабиновича, А.Н. Рылево, С.Г. Тер-Минасовой, И.Г. Хангельдиевой, Н.А. Хренова.

Различные аспекты национальных культур Великобритании и США раскрыты в исследованиях Дж. Беллами, Ж. Бодрийяра, Г.Т. Бокля, К. Гамсуна, Г. Коллинз, М. Кэммена, К. Рурк, У.Р. Тейлора, Э. Уигета, Д.Х. Фишера, К. Хьюитт, А.В. Ващенко, К.С. Гаджиева, Г.Д. Гачева, А. Гениса, Д.В. Козлова, Е.А. Мельниковой, В.П. Шестакова, В.А. Тишкова. В работах отмеченных авторов обосновывается целесообразность проецирования вопроса американского культурного наследования британской традиции и, шире, европейских традиций, в особую научную область, обрисовывается ее содержание и предполагается теоретико-методологический потенциал в рамках отечественной американистики.

Особую группу образуют исследования западных артуроведов. Это, во-первых, работа Э.Т. Пакода «Артуровская пропаганда: «Смерть Артура» как исторический идеал жизни» (1971), в которой анализируется культурная модель «должного» бытия, воссозданная Т. Мэлори в его знаменитом романе. Во-вторых, комплексное исследование взаимовлияния «артуровской» литературы и социума представлено в книге С. Найта «Литература об Артуре и общество» (1983), задуманной как интеграция «Артуровской легенды» в историю. Социокультурный подход прослеживается и в исследовании М. Жиро «Возвращение в Камелот. Рыцарство и английский джентльмен» (1981), в котором рассматривается возрождение и адаптация нравственного кода рыцарства в Великобритании в период с конца XVIII в. до Первой Мировой войны. В монографии Н. Дж. Хайэма «Король Артур: история и становление мифа» (2002) рассматривается ряд проблем, связанных с традициями «локальной» и «региональной» идентичности Артура как кельтского, английского и германского «иконического знака».

Элементы когнитивно-семиотического анализа используются в работе Т. Грина «Концепты Артура» (2005), для которой характерна высокая степень абстрагирования как от исторической, так и легендарно-героической моделей Артура. Работы западных артуроведов 1970-х – 2000-х гг., существенно дополняя

фактографическую базу, помогают осознать правомерность применения культурологического подхода в изучении процесса культурного наследования литературной традиции.

Культурологический подход к «Артуровской легенде» прослеживается в некоторых отечественных исследованиях. Так, в мини-монографии О.М. Ладыгиной «Легенды о короле Артуре и мифотворчество XX века» (2000) исследуется связь между мифологией, составляющей тектоническую основу ряда «артуровских» литературных произведений (миф о вечно возвращающемся короле, миф об идеальном мужском сообществе), и, например, мифом о мировом масонстве. Е.Г. Кратасюк затрагивает «артуровское» кино и рекламу как медиа, позволяющие превращать прошлое в «бренд» и единицу обмена в системе ценностей общества (кандидатская диссертация «Репрезентация прошлого в массовой культуре последней трети XX века» (2002)). В составленную А. Комаринец «Энциклопедия короля Артура и рыцарей Круглого Стола» (2001) включены тематические статьи, касающиеся социального функционирования ряда «артуровских текстов»; В. Эрлихман, автор научно-популярного труда «Король Артур» (2009), воссоздает культурно-исторический фон ряда известных текстов мировой артурианы.

Объектом анализа является конкретный пласт культуры, связанный с наследованием литературной традиции «Артуровской легенды» в Британии и США в XII-XX вв.

Предметом исследования выступают коммуникативные механизмы практики культурного наследования литературной традиции на материале «Артуровской легенды».

Цель исследования – посредством культурологического анализа выявить и концептуализировать модель процесса культурного наследования конкретной литературной традиции, связанной с «Артуровской легендой», а также рассмотреть вариативность прохождения этого процесса на разных этапах исторического развития британской и американской цивилизаций XII-XX вв.

Достижение поставленной цели потребовало решения следующих исследовательских задач:

- рассмотреть проблему культурного наследования в трансляции литературной традиции;
- определить культурологическую проблематику ключевых текстов традиции «Артуровской легенды»;
- определить теоретико-методологические основания анализа путей концептуализации понятий «Артуровская легенда» и «артуровская» традиция в англоязычных культурах;

- раскрыть особенности процессов мифологизации истории, кодификации социальных отношений, легитимизации власти, ассоциируемых с ключевыми текстами традиции «Артуровской легенды»;

- проанализировать аккультурационные сдвиги в американском обществе XIX в., обусловленные наследованием британской литературной традиции;

- выявить культурологические основания творчества субъектов литературной традиции «Артуровской легенды»;

- раскрыть специфику культурной памяти субъекта литературной традиции в эпоху массовой культуры;

- рассмотреть современные практики в американском социуме, связанные с инкультурацией литературной традиции «Артуровской легенды»;

- определить формы адаптивного погружения «Артуровской легенды» в массовый культурный контекст США.

В качестве **гипотетических суждений**, требующих доказательств, выступают следующие:

1. Культурологическая концептуализация процесса культурного наследования литературной традиции «Артуровской легенды» способствует эффективному мониторингу диалога «материнской» (британской) и «дочерней» (американской) культур в его становлении.

2. Культурное наследование литературной традиции принимает различные формы и обретает иные смыслы в зависимости от того, происходит ли оно внутри национальной культуры, либо в инокультурном пространстве.

3. Социокультурная организация и общественная «совесть» в США в XIX-XX вв. была ориентирована на культурные модели, имплицитные литературной традицией «Артуровской легенды».

Методологическая основа исследования. Исследование процесса культурного наследования литературной традиции осуществляется в работе посредством культурологического анализа, что обусловило обращение диссертанта к ряду познавательных парадигм и научных подходов.

Работа базируется на классических положениях структурализма (Ч. Пирс, Ч. Моррис, Ф. де Соссюр, К. Леви-Стросс, Р. Барт), позволяющих рассматривать и культуру, и традицию как смыслообразующие тексты.

В силу междисциплинарного характера предпринятого исследования, существующие и часто используемые подходы к изучению процесса культурного наследования традиции: объектный (сущность, границы, характеристика, структура традиции), аксиологический (причины преемственности ценностей, непостоянство шкалы ценностей, позиция индивида в процессе восприятия традиции, рефлексированность или бессознательность традиции), были допол-

нены в диссертации коммуникативным подходом (разработан в трудах Р. Редфильда, М. Сингера, А. Гуди и Дж. Уатта, Ю.М. Лотмана, Б.А. Успенского), функциональным (разработан в трудах Б. Малиновского, А.Р. Радклифф-Брауна, Э. Дюркгейма) и, отчасти, синергетическим (М.С. Каган, Т. Кун, Г. Хакен, Е.Г. Князева).

Методологическим основанием подобной интеграции является необходимость рассмотрения процессов культурного наследования не только в зависимости от исторического содержания определенных периодов становления литературной традиции, приоритетных потребностей тех или иных слоев исторических социумов в наследовании литературной традиции и степени вовлеченности в процесс культурного наследования литературных традиций творческих сил, но и в зависимости от культурных смыслов, как реально содержащихся в «тексте» традиции, так и приписываемых ему рядовыми носителями исторически выраженного типа сознания (народом), «спонсорами» и кодификаторами культуры, разработчиками тенденций цивилизующего обустройства существования народа (элитой), «большинством» в национальных людских сообществах постиндустриальной эпохи (массой).

Многоплановость исследования обусловила обращение к различным методам анализа материала, в первую очередь – к динамическому, компаративному, семиотическому, генетическому, герменевтическому анализам. В результате в исследовании удастся концептуализировать особенности процесса культурного наследования литературных традиций, выстроить статическую и динамическую модели литературной традиции в контексте национальной культуры.

Научная новизна. Впервые на основе культурологической методологии предпринято комплексное исследование особенностей культурного наследования литературных традиций на материале «Артуровской легенды», в ходе которого:

- выявлены особенности проблематики культурного наследования литературной традиции в рамках постклассической научной парадигмы, а именно на пересечении ряда разделов культурологии (теоретической, исторической и прикладной), а также в пограничных зонах культурологии и истории, культурологии и филологии, культурологии и социологии;

- теоретически обоснован комплексный подход к изучению коммуникативных механизмов практики культурного наследования литературной традиции, состоящий в сочетании коммуникативного подхода с функциональным и синергетическим подходами;

- концептуализированы статическая и динамическая модели литературной традиции в культурно-историческом преломлении;

– представлена модель-алгоритм культурологического исследования процессов наследования литературных традиций, исторически вынужденных существовать и обновляться в двух и более национальных культурах, говорящих на одном языке;

– раскрыто содержание культурного пласта, связанного с наследованием литературной традиции «Артуровской легенды» в Великобритании и США, раскрыто культурно-символическое значение ключевых текстов британско-американской артурианы;

– вскрыта специфика процессов инкультурации и аккультурации, сопряженных с наследованием литературной традиции в инокультурном социуме;

– выявлены ценностно-смысловые особенности процессов массовизации, вестернизации, примитивизации при масскультурном наследовании литературной традиции;

– охарактеризованы стратегии масскультурного пересоздания традиционной символики «Артуровской легенды» в США, сопряженные с политизацией, «субстантивизацией», профанизацией легендарного образа;

– определены сущностные характеристики культурной памяти субъекта «массовой» литературной традиции эпох модерна и постмодерна;

– обоснована необходимость культурологического направления, занимающегося проблемой культурного наследования инокультурных литературных традиций.

Достоверность и обоснованность теоретических положений и выводов диссертационного исследования достигнуты благодаря теоретико-методологической обоснованности исходных параметров исследования, широкому привлечению зарубежных и российских источников и литературы; опоре на полевые исследования; апробации полученных результатов в научных публикациях; их использованию при разработке федеральной целевой программы выполнения поисковых НИР; внедрению ряда теоретических положений в практику работы отдельных российских учреждений культуры.

Положения, выносимые на защиту:

1. Инкультурация «своей» литературной традиции в национальной культуре происходит относительно непрерывно, синхронно росту ее содержания, значительно интенсифицируясь в периоды, сопутствующие кризису национальной идентичности.

2. Аккультурационные процессы, сопряженные с культурным наследованием «чужой» литературной традиции, характеризуются скачкообразностью, сопутствуя периодам экономически и/или политически обусловленных контактов наций, волнам эмиграции и т.д.

3. Катализатором аккультурационных процессов, сопряженных с культурным наследованием «чужой» литературной традиции, является исследовательская деятельность ученых, в перекрестном порядке изучающих и популяризирующих национальные литературные традиции;

4. Наследование литературной традиции со времени возникновения тиражируемой письменности является результатом выбора; трансформация наследуемой литературной традиции обусловлена самостоятельностью выбравшего ее творческого субъекта, который обладает уникальным вкусом, темпераментом и т.п.

5. «Ключевые тексты» литературной традиции возникают вследствие совпадения свободного выбора ее творческим субъектом с заказом, принятым творческим субъектом от интеллектуального лидера, либо социальной группы-спонсора, заинтересованных в опережающем принятии текстов и их укоренении;

6. Инокультурная литературная традиция способна стать особой виртуальной средой, внутри которой не только воспроизводятся художественные миры «ключевых текстов», но синтезируются новые. Подобная виртуальная среда содержит культурные «вирусы», способные влиять на «матрицу» и надматричные слои принявшей национальной культуры, вызывая аккультурационные процессы в социуме, стимулируя возникновение новых общественных практик;

7. Технологии массовой культуры, ставя под вопрос различие между индивидуальной и коллективной памятью, способствуют передаче литературной традиции способом «переноса», не подразумевающего сколько-нибудь значимого рефлексивного усилия массового «нетворческого» субъекта. Наследование инокультурной литературной традиции в сфере массовой культуры завершается ее «присвоением», подразумевающим наделение иным культурным смыслом символики, образности и основного «послания» наследуемой литературной традиции.

8. Культурологический анализ конкретной литературной традиции в рамках коммуникативного подхода позволяет выстроить:

– статическую аналитическую модель литературной традиции, в которой последняя видится аллегорической конфигурацией означающих внутри «суммирующей» эмблемы (иероглифа), читаемость которой возрастает по мере приложения новых интерпретаторских усилий субъекта.

– динамическую аналитическую модель литературной традиции как текстуально организованной коммуникативной системы, работающей по принципу обратной связи.

Теоретико-методологическое и практическое значение исследования.

Диссертантом разработаны интегративные принципы культурологического анализа наследования литературных традиций в культуре. Результаты исследования могут быть полезными:

- для определения новых перспективных направлений научно-исследовательской работы в областях пересечения культурологии с историей, филологией, социологией, психологией;

- для выделения текстовых прецедентов, а также стимулирующих и респонсивных явлений (по принципу «вызов» - «ответ», в теории А. Тойнби) в художественной культуре взаимодействующих стран;

- для выявления особенностей национальных «пратекстов» и принципов их адаптации к новым условиям существования нации.

В практическом смысле, диссертационное исследование важно:

- для дальнейших научно-теоретических исследований вопросов культурного наследования литературных традиций;

- как методологическая и фактографическая база для разработки учебных пособий по профильным спецкурсам;

- в консультационной деятельности, касающейся специфики межкультурной коммуникации с представителями британской и американской наций;

- для дальнейшей реализации авторского международного сетевого проекта «Arthurian Studies in Russia», который был открыт в 2009 году в хостинге сетевого сообщества «Российская культурология».

Апробация результатов и выводов исследования осуществлялась в форме публикаций в сборниках трудов Новосибирского государственного университета, Кемеровского государственного университета, в научных альманахах и сетевом вестнике КузГПА (г. Новокузнецк); вестниках МГУ, МГОУ, Томского и Тамбовского государственных университетов; журналах «Обсерватория культуры», «Вопросы культурологии» и «Социологические исследования»; сборниках материалов международных конференций в Астраханском, Бурятском и Якутском государственных университетах; в докладах, сделанных во время работы секций и «круглых столов» международных конференций на факультете журналистики МГУ (2001), на факультете иностранных языков и регионоведения МГУ (2008), в Институте социологии РАН в рамках семинара «Молодежная культура в локальной (Россия) и глобальной перспективах» (2008), на II и III Российском культурологическом конгрессе в г. Санкт-Петербурге (2008, 2010), в Российском институте культурологии в рамках международной научной конференции «Филология – Искусствознание – Культурология: новые водоразделы и перспективы взаимодействия» (2009); на междуна-

родной конференции, проводимой при поддержке РГНФ «Революции и гражданские войны в России и США: сравнительно-исторический анализ» в 2004 г., организованной автором в г. Новокузнецке. Также – в курсах лекций, читанных в России (КузГПА, курс по выбору в 2003-2006 гг.) и США (Вашингтон-Джефферсон колледж, г. Вашингтон, в 2001 году).

Структура и объем работы. Работа состоит из трех глав, включающих 15 параграфов и списка литературы.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **ВВЕДЕНИИ** обосновывается актуальность темы исследования, характеризуется степень ее разработанности в современной научной литературе, определяются цели и задачи, научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, характеризуются формы апробации полученных результатов, формулируются положения, выносимые на защиту.

В первой главе **«ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДОВАНИЯ В ТРАНСЛЯЦИИ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАДИЦИИ»**, рассматривается культурологическая проблематика ключевых текстов «Артуровской легенды» как важных звеньев наследования «британской сути» (Matter of Britain), выстроенных во взаимодействии с культурой социумов норманнского Уэльса, раннетюдоровской Англии, викторианской Великобритании; прослеживается и анализируется процесс оформления ряда исторических «концептов» Артура как британской героической модели, кодификатора и «спонсора» рыцарской цивилизации, национальной идеи вневременного и потому вечно актуального и желанного монарха-фантома.

Параграф 1.1 «Культурологическая проблематика ключевых текстов «Артуровской легенды» как важное звено культурного наследования» имеет теоретический характер и служит введением в фактографическую часть исследования в данной главе. В свете типологии понятия культурно-исторической традиции, разработанной М.В. Захарченко¹, здесь исследуется ряд литературных текстов «артуровской» традиции с точки зрения субъективного видения в них оптимального способа исторического жизнеустройства, а также в качестве текстов, разбивающих монолитность прошлого, создавая множественность его восприятия, предоставляя наследующему субъекту воз-

¹Захарченко М.В. Культурно-историческая традиция [Электронный ресурс] <http://www.portal-slovo.ru/pedagogy/37922.php> (2008) (10 мая 2009).

возможность выбора прошлого; эти тексты моделируют прошлое социальной общности, к которой принадлежит, либо желает принадлежать субъект.

С опорой на динамическую модель генезиса культуры А.В. Костиной¹, учитывающую различные стратегии отношения традиционной, элитарной, массовой культур к информации, здесь особое внимание уделяется формам проявления интереса к мифологизированной британской истории в сфере социальных отношений, в сфере коммуникации культур и субкультур, в сфере пропаганды цивилизационных идей и их воплощения в «артуровских» артефактах. В духе структурной классификации подходов к традиции Т.В. Лобановой², здесь обосновывается установка на исследование специфики культурного наследования литературных традиций с позиций коммуникативного подхода, обладающего большим эвристическим потенциалом и вскрывающего специфику когнитивного процесса традиции.

Обоснование включает, во-первых, тезисный анализ отношений традиции и тропа. Трансформация значения в традиции сопряжена с интерпретацией ее культурных смыслов; культурные смыслы открыты для интерпретации поскольку меняется значение слов, не прекращается процесс концептуализации культурных констант, происходящий вследствие полидискурсивного использования языка. Традиция выступает важнейшим стимулом к аллегорическому, метафорическому, метонимическому, символическому использованию языка, так как является существенной частью переживания мира. Вне традиции переживание будет лишено ориентации на прошлое; прошлое помогает адекватно понять настоящее. Литературная традиция, как и традиция вообще, является медиумом «прошлого» переживания, и выступает в качестве среды, в которой переживание превращается в троп. «Аффективная» репрезентация прошлого (термин Х. Уайта)³ в тропах языка литературы оказывает воздействие на эмоции субъекта, вызывая чувство причастности к прошлому.

Во-вторых, в параграфе обосновывается эффективность коммуникативного подхода к изучению традиции в свете философии переживания И. Канта, в частности – посредством анализа роли остроумия, воображения, гения в эмпирической связи индивида с прошлым. В «Критике способности к суждению» И. Кант доказывает, что постижение традиции требует как осознанного, так и неосознанного индивидуального переживания. Оба переживания диа-

¹ Костина А.В. Соотношение традиционности и творчества как основа социокультурной динамики. М., 2010.

² Лобанова Т.В. Основные подходы к изучению проблемы традиции // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки. – 2008. – № 1(9). – С.64-78.

³ White, H. *Metahistory: The Historical Imagination in Nineteenth-Century Europe*. Oxford University Press, 1973.

логичны – они находятся в диалоге с прошлым и проявлениями прошлого в настоящем. Такие человеческие способности, как воображение, гений, способность к суждению, остроумие необходимы, чтобы вести индивида к сложной эмпирической связи с прошлым; к связи, которая несовместима с линейным пониманием времени и механическим повторением «официальных» версий прошлого. Чувства и мысли, переживаемые субъектом в процессе приобщения к традиции, важны в способности судить об уникальности вещей и явлений, в способности постижения культурно-исторического феномена.

В-третьих, традиция решающе важна в познании, основанном на способности к суждению, и в том отношении, что она активизирует внутренние ресурсы нравственной рефлексии индивида. Ч. Тейлор, исследовавший этическое измерение процесса наследования, идентифицировал традицию с психологически принятым и потому «аутентично» пережитым прошлым т.н. значимых других (significant others)¹ опыт которых может стать законом, определяющим «сигнификативный горизонт» индивида. При этом активная связь с «значимым другим» происходит в письме и чтении, принимая форму диалога: отвечая на то, что «значимый другой» сказал, индивид расширяет горизонт того, что в принципе можно сказать, используя язык. Уход от осознанного ответа расценивается Ч. Тейлором как уход от ответственности за происходящее («случающееся»); происходящее расценивается Ч. Тейлором в качестве важнейшего «модуса» истории. Г.Х. Гадамер, также писавший о взаимосвязи истории и традиции, считал, что традиция поддерживает «хабитус» памяти общества и является условием возрождения значения истории ради ее пересмотра в настоящем. Временность значения Г.Х. Гадамер воспринимал как условие возможности перемен; историческая перемена требовала, по мнению философа, постижения значения прошлого при помощи памяти, превращенной в текст, в дискурс. Таким образом, коммуникативный подход подразумевает превращение памяти в текст, в дискурс, с тем, чтобы субъект мог почувствовать историческую перемену и извлечь урок из прошлого благодаря чтению традиции как соединения значений. Литературная традиция, таким образом, представляется метафорой «остатков» прошлого переживания, которые необходимо собрать вместе, чтобы прочесть, понять и действовать сообразно понятию. При этом фигуральность и риторические структуры языка оказывают эмоциональное воздействие, давая возможность прочтения не только разумом, но и телом, что приводимо к «общему знаменателю» стратегий «аллегорического прочтения», нацеленных на восстановление в памяти забытого прошлого.

¹ Taylor, C. The Ethics of Authenticity. N.Y., 1999. – P. 22.

Параграф 1.2 «Артуровская легенда» и «артуровская» традиция: в поиске новых концептуальных видений» посвящен обоснованию понятий, обозначенных в названии. Исходя из понимания легенды как литературного произведения, опирающегося на факты о предположительно существовавшем историческом лице, либо событии, и подлежащего всеобщему прочтению¹ (Г.А.Левинтон, К.В.Чистов, Р.Уиллис, К. Морнер), в диссертации анализируются те исследования западных и отечественных артуроведов, в которых дисциплинарное понятие «Артуровская легенда» в основном сопряжено с письменностью. Такое дисциплинарное понятие формируется в конце XIX – первой половине XX века благодаря исследовательской работе кельтологов, мифологов, фольклористов.

Д. Рис в конце XIX в. выпускает книгу под названием «Исследования в области Артуровской легенды» (Studies in the Arthurian Legend); некоторое время спустя Т. Роллестон пишет «Очерк развития Артуровской легенды» и включает его в капитальный труд под названием «Мифы, легенды и предания кельтов» (1917). Этот авторитетный английский ученый первым приходит к выводу о синкретизации образа Артура как следствии письменности. Со ссылкой на работы конца XIX – первой половины XX вв. исследователи более позднего времени создают тематические статьи с названием «The Arthurian Legend», в том числе, в специализированных справочных изданиях.

Изученная литература показывает, что, несмотря на отсутствие отчетливой границы между понятиями «Артуровская легенда» и «легенды о короле Артуре», отличие все же существует. Авторы, пишущие об «Артуровской легенде» (в отличие от авторов, исследующих легенды о короле Артуре), подразумевают, как правило, не конкретные текстуальные воплощения, а «культурные смыслы», вкладываемые в легенды об Артуре различными историческими «разработчиками»: кельтскими и бретонскими бардами, хронистами, авторами рыцарских романов, прозаических эпосов и т.д. «Артуровская легенда» интегрирует повествовательный материал о Граале, Тристане и Изольде, Гарете, который соотносим с идеей и «духом» Артура (и рыцарей Круглого Стола), но является либо прецедентным текстом относительно собственно «артуровского» текста, либо его продолжением. «Артуровская легенда», следовательно, может рассматриваться как *культурологический конструкт*, а не совокупность текстов, составивших «артуровский цикл» в ходе эволюции сюжетно-образного комплекса ряда британо-европейских сказаний и преданий. «Артуровская» традиция, схожим образом, оказывается понятием социокультурного характера, так как отражает трансформацию «послания» «Артуровской легенды» в куль-

¹ Легенда – от лат. *legenda* – «то, что надлежит прочитать».

туре, рассматриваемой в статическом измерении как сложный системный объект, распадающийся на множество подсистем, функционально связанных между собой, и, динамически, в пространстве взаимодействия «культур» – традиционной, элитарной, массовой.

В параграфе 1.3 «Мифологизация британской истории в «Истории бриттов» Гальфрида Монмутского» проводится культурологический анализ социально-культурного функционирования известного квази-исторического трактата. Обращает на себя внимание двойственность установок Гальфрида, льстящего норманнам и легитимизирующего их завоевание в тексте «Истории», с одной стороны, и, с другой, деконструирующего авторитет норманнов путем вычерчивания – с помощью замысловатого повествования об Артуре – чуждого валлийцам культурного «абриса» норманнской властной элиты. Создается впечатление, что посредством «Истории» Гальфрид пытается исполнить культурную миссию и имплицировать приоритетность кельтской культуры – не менее развитой и изысканной, чем норманнская.

Сначала Гальфрид симулирует восхищение норманнской культурой. Умышленно следуя традиции Вергилия, он превращает троянца Брута в древнего захватчика Англии, несущего культуру более высокого порядка, и тем, по замечанию Д. Линдсея, «оправдывает норманнское завоевание и создает новую перспективу для его рассмотрения»¹; он приближает к норманнам – в лингвистическом и культурном смысле – реалии и персоналии кельтского мира (например, меняет на норманнский лад имя и, частично, суть легендарного валлийского барда Миррдина и получает в результате Мерлина). При этом Гальфрид осознает, что норманнские герцоги, проживая и функционируя на британских территориях, утратили аутентичную связь с континентальной культурой – «[британская норманнская – Ю.С.] династия, хоть она так и не приобрела английских манер и английской речи, приобрела английскую чувствительность»² – и уже не воспринимали безоговорочно франкскую героическую пропаганду, создаваемую на континенте с опорой на фигуры Карла Великого и Роланда; Гальфрид первым из образованных валлийских современников распознает надвигающийся идеологический вакуум, который был обусловлен потерей норманнами франкской героической модели и навязывает им – в облике Артура – модель британскую. «История бриттов» показывает, что Гальфрид, от имени своей британской аудитории, моделировал прошлое таким образом, чтобы оно способствовало достижению валлийцами более выгодного, более влиятельного

¹ Lindsay, J. *The Normans and Their World*. L.: Hart-Davis MacGibbon, 1973. – P.433.

² Gerould, G.H. *King Arthur and Politics*. – *Speculum*. – 1927. – #2 – P.45.

положения в неуютном настоящем, характерном для эпохи норманнского правления.

Параграф 1.4 «Артуриада Мэлори: попытка «исцеления» этической традиции рыцарства» посвящен культурологическому анализу культурной модели, воплощенной в романе Томаса Мэлори «Смерть Артура». Книга Мэлори, во-первых, позволяет увидеть две ипостаси короля Артура – эпико-героическую и социальную – в контексте культурных интересов современников Мэлори. Во-вторых, Мэлори посредством текста проясняет внутреннюю форму культурных концептов предшествующего и современного рыцарства. Несмотря на то, что фигура Артура остается в XV в. не менее идеологичной, чем в век Гальфрида, «костяком» образа по-прежнему остается король-герой, а не король-политик. Меч в камне, волшебное оружие, колдуньи-помощницы – все это указывает на особую, вневременную ценность, которую Артур мог представлять в качестве «инструмента» разрядки напряженности, витавшей в воздухе Англии XV века вследствие войны рыцарских орденов.

Здесь в Артуре впервые можно увидеть ясные очертания мифического героя, которые, в конечном счете, объясняют трагичность и фантастичность его исчезновения. Благодаря героической схеме, в соответствии с которой он сконструирован у Мэлори, Артур развивается и как король, и как герой. Эта схема придает Артуру гораздо больший вес, чем другим рыцарям, каким бы благородным происхождением они ни обладали, и какими бы доблестными они ни были. С другой стороны, Мэлори не пытается идеализировать рыцарства, либо рефлексировать реальный исторический контекст. Дисциплина рыцарей и покровительство короля, либо представителя аристократической элиты не наделяются в его текстах «положительной» или «отрицательной» функциями. В отличие от реально существовавших в истории «affinities» – покровительствуемых королем (графом, герцогом) рыцарских военных групп – рыцари Мэлори действуют в одиночку, но ради общего блага, благодаря чему аристократ-покровитель обретает почести и особый культурный «иммунитет». Подобное одиночество продиктовано кодексом чести – понятием, общественным по своей природе, но сугубо личным по способу и динамике обретения. «Честь», по свидетельству историка М. Джеймса, была источником многих беспорядков во времена Мэлори¹.

Проблема коренилась в рыцарском типе ментальности, где «честь» выступала в качестве доминанты. «Честь», возникшая в длительном процессе становления военной и рыцарской традиции, характеризовалась, прежде всего, ду-

¹ James, M. English Politics and the Concept of Honour 1485-1642. Oxford: Past and Present Monographs, 1979. – P.1.

хом соревнования; она подразумевала то состояние дел, при котором насилие становилось естественным и оправданным. «Честь» и легитимизировала политику насилия, и служила средством ее укрепления с позиций морали; посредством «чести» рыцари учат окружающий мир рыцарской добродетели. У Мэлори среди них первостепенная роль принадлежит сэру Ланселоту. В условной «Повести III» винчестерской рукописи романа Ланселот используется в качестве идеальной модели. Условная «Повесть IV» посвящена Гарету, который становится воплощенной моделью «славы» в контексте повествования о «славном неизвестном» (бывшим уже в XIII веке общим местом ряда рыцарских романов, например «Рыцаря со Львом» Кретьена де Труа). Он – пришелец, сила которого представляет угрозу двору, поэтому должна быть каким-либо образом «поглощена», культивирована аристократическим сообществом. «Славный неизвестный» должен доказать, что он этого достоин; открыть свое имя; стать вельможей. Лишь после этого с ним желает познакомиться король (Артур), у которого для героя припасена похвала.

Ю.М. Лотман писал, что «honneur» и «gloire», употребляемые «в паре как двуединая формула», глубоко различны по смыслу, и их «различия <...> сводятся к противопоставлению вещи в знаковой функции и слова, также выполняющего роль социального знака»¹. Материал исследования подтверждает справедливость этого замечания. В «романе» Мэлори о Гарете, по сути, разыгрывается в лицах миф о возможности репродуцирования славы в обход беспорядка и беззакония. Мэлори средствами повествования выстраивает модель восхождения к благородству. Это восхождение подразумевает постижение рыцарем определенных этических норм. Лишь постигнув этические нормы, рыцарь может доказать свою приемлемость с куртуазной точки зрения. Культурный резонанс «Смерти Артура», одной из самых популярных книг в англоговорящем мире, состоит в том, что ее персонажи сами создают себе имя, что вполне сопоставимо с традиционно британским, но более поздним по оформлению, понятием о человеке, «творящем» себя своими руками и своим собственным разумом (a self-made man).

Параграф 1.5 «Викторианство и «возрожденный» Артур Теннисона» посвящен культурологическому анализу причин возрождения и пересмотра «идеи» Артура в культуре викторианской Англии. Анализ социокультурных проблем викторианства во многом возможен именно благодаря отражениям, присутствующим в цикле поэм А. Теннисона «Королевские идилии». Речь идет о тревоге, охватившей мужскую часть английского общества, вызванной ощущением утраты своего авторитета. Три поэмы из «Королевских идилий»,

¹ Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М.: Гнозис, 1992. – С.86.

каждая по-своему, указывают путь к сохранению патриархального нерва викторианской культуры. Образ Вивьен в поэме «Мерлин и Вивьен» (Merlin and Vivien) можно рассматривать в качестве гротескного отражения сексуальных отношений, практикуемых в семье, когда жена за свои сексуальные «одолжения» требует полного доверия от мужа. Вивьен – не только женщина, активная в сексуальном плане; она также требует, чтобы мужчина делился с ней своим, «мужским» знанием. Она бросает вызов не только мужской силе, но и патриархальной традиции. Английская семья ранневикторианской поры характеризовалась высокой степенью интровертности: весь мыслимый спектр чувств и переживаний локализовался в домашнем «ядре»¹.

В семье подобной структуры мать/жена обладает реальной властью, потому что ведает домом и выступает «посредником» в удовлетворении всех потребностей семьи, связанных со здоровьем, едой и сексом. Соответственно, назревает необходимость ослабления женской власти путем вмешательства в социокультурные механизмы стратификации; возникает потребность в идеологии, способствующей сохранению патриархальности. Возникнув и укрепившись в элитарных кругах (принц Альберт, У. Гладстон, философ Т.Б. Маколей, герцог Аргайлширский и др.), подобная идеология «спонсирует» – путем создания культурной протекции – произведения, подобные поэме «Герайнт и Энида» (Geraint and Enid), также включенной в «Королевские идилли» в версии 1859 года.

Суть эротизма этой поэмы состоит не в поэтизации гетеросексуальной любви, а в подчеркивании красоты и правомерности мужского нарциссизма. Мужское самолюбование, боязнь женственности и, как результат, контроль над женщиной – эти составляющие являются самыми важными для поддержания патриархального мироустройства. Нарциссизм иного, нравственного порядка, очевиден в идилии «Гиневера» (Guinevere), сосредоточенной на унижении Гиневеры, пришедшим вслед за ее грехом. Сначала Гиневера становится послушницей в монастыре, а затем обманутый муж (Артур) заставляет ее покаяться. Артур предстает бесчеловечным и бесчувственным. Гиневера поэмы Теннисона – заблудшая (в сексуальном плане) жена, которую прискорбные обстоятельства дисциплинируют и заставляют признать и собственный грех, и правоту мужского авторитета. Таков подразумеваемый смысл исполненного драматизма образа Гиневеры, простертой ниц у ног Артура. Ее поза напоминает «змеиную» позу Вивьен, ползущей к ногам Мерлина (поэма «Мерлин и Вивьен»).

Художественные новации Теннисона обогатили британо-европейскую «артуровскую» литературную традицию, но, вместе с тем, привели ее к точке

¹ Stone, L. The Family, Sex and Marriage in England 1500-1800. L.: Weidenfeld and Nicolson, 1977.

«прерывания» в Старом Свете и, одновременно, точке «подхвата» и продолжения в Америке. Период, исследуемый в первой главе диссертации, позволяет увидеть трансформацию исходных форм «Артуровской легенды» в зависимости от культурно-контекстных условий, в которые она помещается – при стабильности и центральности идеи Артура как «иконического знака» культурной памяти «британскости». Социальное измерение существования «Артуровской легенды» ассоциируется с проблемами групповой, национальной и гендерной идентификации, решение которых было востребовано социумом. Значимость триады ключевых текстов британской «артуровской» литературной традиции состоит в том, что они образуют своеобразную школу манипулирования прошлым, учат создавать идеологически желательные смыслы со ссылкой на аллегорический универсум героической праистории.

Во второй главе **«БРИТАНСКОЕ КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ КАК ФАКТОР АККУЛЬТУРАЦИОННЫХ СДВИГОВ В АМЕРИКАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ XIX В.»** раскрываются культурные смыслы наследования литературной традиции «Артуровской легенды» в США и отрабатываются вторая и третья части гипотезы исследования.

Параграф 2.1 «Специфика литературной традиции в культурологическом контексте» имеет теоретический характер; он начинается с краткого обзора общей культурной ситуации в США в XIX в. Судьбы британо-европейских литературных традиций в американской культуре во многом обусловлены тем, что Америка, основанная переселенцами из Старого Света, изначально обладала языком и письменностью, но достаточно долгое время не имела своей литературы, отвергая при этом неамериканское литературное наследие.

Недоверие американцев к британо-европейской традиции в целом, и литературным традициям в частности, которое наблюдали в XVIII-XIX вв. путешественники из Старого Света (Т.Пейн, Ч. Диккенс, Р.В. Бьюкенен и др.), не исключало любопытства американцев к «обломкам старой английской цивилизации», ставшим предметом антикварной моды еще в начале XIX века¹. Культурный интерес к британскому наследию, доступному в виде книг Гальфрида, Мэлори и Теннисона, приобретает в Америке миметически-репродуктивную тенденцию к 70-м гг. XIX века, что приводит к образованию корпуса американских «артуровских» текстов, который к началу XX в. вырастает настолько, что его замечают и в Великобритании. Американский Артур становится одним из первых продуктов литературного экспорта в Великобританию (произведения

¹ Гамсун К. О духовной жизни современной Америки. СПб: Владимир Даль, 2007, С.26-27.

Дж.Р. Лоуэлла, С. Бриджис, М. Твена, Р. Хови, Г. Пайла и др.). Но ярко выраженный общественный отклик на появление британской «ноты» в американском пропагандистском, публицистическом, художественном, сценическом, рекламном слове (от листовок с памфлетом о «новых» пророчествах Мерлина, касающихся судьбы Америки, до «артуровских» названий для сортов муки) происходит в самой Америке. С отражениями и подобиями «Артуровской легенды», которые заняли свои ниши в культурах дидактического общения, досужего домашнего чтения (альманахи, журналы), театрализованных увеселений, т.е. в «популярной» культуре, становится трудно не считаться; ее «вирусные» образы¹ (Артур, Ланселот, Гавейн, Мерлин, Нинева (Нимуз), Гинебра, Крэддок, Элейна, Лаунфаль, Моргана, Тристан, Галахад) становятся косвенным фактором образования и расширения специфического социокультурного пространства, для которого характерны своя аксиология и свои «практики». Теоретически возможно осознание функционирования такого социокультурного пространства в терминах аккультурации, которая, в культурно-антропологическом ракурсе, обычно подразумевает процессы взаимовлияния культур, восприятия одним народом полностью или частично культуры другого народа (Ф. Боас, Холмс, Мак-Джи, Лоуи, Херскович, Мид, Редфилд, Хантер, Спайер, Линтон, Малиновский).

Транслируя понятие аккультурации в термины структурно-коммуникативной теории, можно вести речь о взаимодействии «текста» британско-европейской «артуровской традиции» с «текстом» воспринимающей американской культуры, когда первая выступает в качестве «непрозрачного», трудночитаемого коммуникативного знака, который, соответственно, нуждается в декодировании с помощью комплекса определившихся недавних «иконических знаков» больших и малых традиций американской культуры. Подобный поворот исследовательской перспективы, апробированный в работах Катрин Ломас, Морин Уорнер-Льюис, М. Каммена, позволяет представить аккультурационные стратегии, выбираемые субъектами американской традиции свободомыслия, предприимчивости и патриотизма относительно «артуровской» британской традиции как знака утрачиваемой культурной памяти, укорененной в иной исторической реальности.

Вслед за типами аккультурационных стратегий, обозначенных психологом У. Берри применительно к ситуации выживания индивида в чужой культуре, в диссертации предлагается взгляд на деятельность ряда американских ин-

¹ Алексеева Е.С. Образ как когнитивный механизм социокультурной интеграции // Второй Российский культурологический конгресс с международным участием «Культурное многообразие: от прошлого к будущему» 25-29 ноября 2008 года в г. Санкт-Петербурге. Программа. Тезисы докладов. СПб: Эйдос, Астерион. – С.137.

дивидов/групп как знак реагирования на внедрение в американскую культурную «матрицу» литературной традиции «Артуровской легенды», которая способствовала возникновению особого аксиологического пространства. Существование этого пространства стимулировалось спросом на британское прошлое и поддерживалось средствами печатных медиа. Когда «артуровская» литературная традиция использовалась с целью исправления общеамериканских общественных нравов без существенного искажения основного британского «послания», можно говорить об ассимиляционной аккультурационной стратегии (как в творческой деятельности книжного иллюстратора Говарда Пайла). Когда же «артуровская» литературная традиция использовалась ради исправления общеамериканских общественных нравов со значительным искажением британской сути, можно говорить о целевой интеграции «артуровской» литературной традиции в американскую культуру и соответствующей интеграционной аккультурационной стратегии (как в общественно-организаторской деятельности У.Б. Форбуша и А.Л. Бэнкса, теоретиков движения американского «нового рыцарства»). Кроме того, апеллирование к «артуровской» литературной традиции как средству утверждения нравственного превосходства можно распознать в качестве сегрегационной аккультурационной стратегии (случай с «рыцарским кодом» довоенного аристократического Юга)¹. Наконец, использование традиции, сопряженное с заблуждением относительно ее «послания» можно истолковать в терминах маргинализационной аккультурационной стратегии – как в жизненной ситуации героя стихотворения Э.А. Робинсона «Минивер Чиви», американца, спившегося из-за невозможности осуществить мечту: вернуть благородную рыцарскую старину.

В параграфе 2.2 «Америка в поисках ключевого текста для культурного диалога с Великобританией» литературная традиция «Артуровской легенды» рассматривается в своей иной коммуникативной функции – как катализатор диалога между культурами Великобритании и США, возобновленного после долгой паузы, возникшей вследствие Войны за независимость. Здесь «Артуровская легенда» рассматривается как «знаковый» текст, обладающий ключевым смыслом для становления идентичностей культур-участниц диалога. Подобные тексты, кроме того, могут быть названы «знаковыми» и в смысле способа постижения самих этих культур как таковых.

Американский литературовед и культуролог Э. Уигет постулировал неизбежность присутствия такого рода текстов в каждой национальной культуре или в ряде культур (примером могут служить гомеровские поэмы для Антично-

¹ Taylor, W.R. Cavalier and Yankee. The Old South and American National Character. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1961.

сти, «Беовульф» для английской литературы и т.д.). По мере исторического развития локальной цивилизации «знаковые» тексты осознаются внутри нее как идентифицирующие. Если же в силу неблагоприятных исторических обстоятельств такой текст в национальной литературе (как в США) отсутствует, наблюдается тенденция восполнить существующий пробел, и тогда подобная роль делится между несколькими тестами, каждый из которых сам по себе не способен в одиночку соответствовать нуждам самоосмысления национальной литературы и культуры¹. «Артуровский» цикл вполне мог заполнить этот пробел уже потому, что многое в нем построено вокруг идеи благородства. Благородство, каким его понимают в Америке, дает дополнительную возможность вскрыть специфику американской культурной рецепции британской «артуровской» идеологии. В поэме «Видение сэра Лаунфалья» (1842) ее автор – «бостонский брамин» Дж.Р. Лоуэлл – предпринимает попытку критического пересмотра понятия о благородстве в его британо-европейском бытовании. Начиная с размышления о феномене Природы и осознания ее «благородства», он, вслед за американскими философами- трансценденталистами, видит в природе учителя.

Милосердие и щедрость, которым Лаунфаль (рыцарь, отправившийся в Обетованный Поиск) должен научиться вследствие «видения», навеянного летним сном, сведены в поэме к параллели с безвозмездной щедростью Бога по имени Природа. Только природа способна подарить человеку уникальные духовные блага. Подобно природе, прозревший Лаунфаль делится с людьми всем, что имеет, бескорыстно и любя. Помимо щедрости, герой учится способности проявлять подлинное участие к ничтожным и убогим. Ассоциирование Лоуэллом благородства как состояния духа с состояниями и неизменными свойствами природы, определяет уникальный понятийный ряд поэмы, становящейся «артуровской» без Артура и его рыцарей: Лоуэлл берется отучить читателя от ассоциаций, связанных с сословным пониманием благородства, основанном на знатности. Подобное разрушение ассоциаций позволяет Лоуэллу изобразить в поэме северный край, в котором расположен замок Лаунфалья, как мир, ставший новым Эдемом вследствие обретения иного, «демократического» благородства. Мир, преображенный участием и милосердием, и есть американский Грааль, и «достижение» такого Грааля – не привилегия избранного круга достойных людей, которых собрал вокруг себя король Артур, но шанс каждого. В американском контексте поэмы «Видение сэра Лаунфалья» англо-кельтская культурная мифология сменяется американской мифологией, что становится решающей вехой в освоении Америкой британской «артуровской» литературной традиции.

¹ Wiget, A. Reading Against the Grain: Origin Stories and American Literary History // American Literary History. – Summer 1991. – #2. – Vol.3. – P. 209-231.

В параграфе 2.3 «Американский рыцарь и американская женщина: зарождение типического культурного конфликта» рассматривается начало процесса пересмотра гендерных ролей в американском обществе в последней трети XIX в. Исследование показывает, что иносказательный потенциал «Артуровской легенды» использовался в суфражистской полемике, возникшей в ходе борьбы за избирательное право для женщин, за расширение женской профессиональной стратификации, за пересмотр отношений полов в семье и вне семьи. Изъяны современности транслируются суфражистски мыслящей беллетристкой Э.С.Фелпс в термины «прототипических» отношений Артура и Гиневры, Гиневры и Ланселота, Ланселота и Галахада, Галахада и леди Ребекки. В эссе «Новое рыцарство» (1873) Э.С.Фелпс писала о «[мужском] кодексе, таком же старом, как первый поединок, и таком же загадочном, как Круглый Стол»¹, в силу которого женщина долгие века удерживалась в «традиционном» (неравноправном) положении. В случае с «новым [американским – Ю.С.] рыцарством» речь шла и об игнорировании потребности женщины чувствовать себя полноценным человеческим существом.

Формулы отношений между полами, приемлемые для Э.С.Фелпс, очерчены ею в нескольких социологических этюдах, иногда написанных в форме новелл. Исходя из понимания рыцарского романа как вечно актуальной формы эстетического высказывания, Фелпс ищет отражения ролей героев Готфрида Страссбургского, Кретьена де Труа, Томаса Мэлори в социальных ролях, исполняемых людьми современной цивилизации. В одной из новелл, «Рождество Галахада», героиня (Ребекка Рок) работает на галстучной фабрике². В Ребекку влюблен «сэр» Галахад Холът, рабочий с фабрики фисгармоний, женатый на Мэри Энн, которая «безумна» и «употребляет опий». Хотя Мэри Энн оставила мужа шесть лет назад и лишь время от времени заходит в его квартиру, Галахад не чувствует себя свободным настолько, чтобы вступить в отношения с Ребеккой. Рассказ заканчивается браком Галахада и Ребекки на Рождество.

В повествовании угадывается скрытая полемика с традиционным британским (вплоть до Теннисона) толкованием судьбы Галахада: здесь от мук одиночества Галахада избавляет не видение Христа и святых, а женщина, которая становится Граалем для Галахада. Более того, ставится под вопрос существование благородства как такового вне оценки этого качества женщиной. В «Правдивом рассказе о Гиневре» (1876), Фелпс не только критикует пороки гендерного мироустройства США, но и вступает в спор с маскулиноцентристской

¹ Kelly, Lori Duin. *The Life and Works of Elizabeth Stuart Phelps, Victorian Feminist Writer*. Troy, NY: The Whitston Publishing Co., 1983. – P.417.

² Phelps, E.S. *The Christmas of Galahad* // Independent. – 7 Dec. 1871. – P.1.

идеологией британских «Королевских идиллий» А. Теннисона. Фелпс находит в поэзии Теннисона иконические знаки извращенных отношений между мужчиной и женщиной, наиболее неприемлемым из которых выступает сцена, в которой Гиневра оказывается распростертой у ног Артура на полу женского монастыря. В Гиневре она видит утонченное, трепетное и импульсивное существо, Артур же связан с пониманием писательницей феноменов рыцарского и феодального; помимо авторитарности «безупречного короля», Фелпс акцентирует его скучность, и эта скучность простирается до непонимания Артуром женских потребностей. Изменяя Артуру, Гиневра проходит через агонию раскаяния; от этого бремени, по мысли Фелпс, ее способна избавить только другая женщина, столь же отвергнутая, прошедшая ту же духовную школу мук невосребованного человеческого существа. Будучи одной из первых американок, способных сформулировать свое понимание гендерной асимметрии мироустройства Камелота, Фелпс изменила «модальность» широкоизвестных сюжетно-мотивных схем «Артуровской легенды», поместив их в контекст американского городского бытописания. В результате наследуемая Америкой «артуровская» литературная традиция приобрела социологический призыв и умеренно феминистское звучание.

В параграфе 2.4 «Марк Твен – субъект британской культурной традиции: от осмеяния к пониманию» проявляются черты Твена-культуролога и Твена-социолога, позволяющие взглянуть через призму сатирического повествования, деконструирующего и британский, и американский «миры», на самосознание западной цивилизации конца XIX в. «Янки при дворе короля Артура» – одно из произведений Твена (наряду с романом «Гекльберри Финн»), в котором цивилизация подвергается критическому осмыслению, нередко – в терминах повсеместного ущемления свободы человеческих существ. Используя пространственные дискурсивные формы (напр., политический комментарий), Твен утверждает в качестве нового голоса «артуровской» традиции. Подобный голос уместен при осмеянии ценностей, культивируемых в многоуровневой общественной иерархии воображаемого Камелота, он подчеркивает извительность замысла Твена. Но непочтительное отношение к прошлому невелико в пропорции к нападкам Твена на настоящее. Первый удар Твен наносит Британии. Иллюстратор книг Твена Д. Бизрдз замечательно передал это намерение, изобразив Мерлина («дешевого старого мошенника, бормочущего дурня»¹) очень похожим на Теннисона. Комиссуемые героем Твена знатные «болваны» (chuckleheads) напоминают Принца Уэльского и кайзера Германии. Последующие критические выпады Твена касаются нелепых вещей, которые ассоцииру-

¹ Twain, M. A Connecticut Yankee at King Arthur's Court L.: Penguin, 1971. – P.56.

ются с современной ему Америкой. Внимание к теме рабства в романе безошибочно указывает на Юг времен, предшествовавших Гражданской войне. Англия VI в., изображаемая Твенном, напоминает довоенный Юг, причем не только по причине рабства. И в Англии VI века, и на довоенном Юге экономика была аграрной; в Англии VI века и на Юге США существовал свой кодекс рыцарства, причем кодекс сложный и изощренный; и там, и здесь угадывается противостояние аграрному комплексу индустриализованной демократии.

Старый порядок вещей разрушен гражданской войной на юге Англии, о которой идет речь в романе. И в том, и в другом случае очевидна горечь, которую Твен испытывает по поводу утраты основ жизненного уклада Юга. Британский Артур, «сконструированный» Твенном – средство показа, методом контраста, механистичности и ограниченности американской культуры и американского уклада в целом. Твену удается трансформировать британскую «артуровскую» традицию таким образом, что «прозрачность» ее аристократического зла наводит на размышления о непрозрачном – до поры, до времени – зле современной Твену Америки. В артуриане Твена происходит встреча «артуровских» и американских лингвокультурных типажей; американский культурный герой нового типа (Хэнк Морган) напоминает сэра Галахада в трактовке Теннисона, пожираемого, как гнетом, тяжестью собственного характера и высотой устремлений. Вместе с тем, он напоминает и Ланселота из «Смерти Артура» Мэлори: его, как и Ланселота, разрушает двойственность собственных ценностных установок.

В параграфе 2.5 «Социально-культурное измерение литературной традиции: «артуровские» молодежные организации» проводится культурологический анализ социокультурного контекста воплощения концепта американского нобилитета, намеченного в поэме Лоуэлла. У истоков внедрения принципов нобилитета американского рыцаря заинтересованными деятелями просвещения и религиозными активистами стоит осознание молодежи как фактора, угрожающего устоям государства. В этой связи священник У.Б.Форбуш выпустил в 1901 году книгу под названием «The Boy Problem», в которой писал о том, как легко отрок может оказаться поглощенным «многими безумными планами, помыслами о вредоносных деяниях».

За год до того, педагог и общественный функционер Альберт Луи Бэнкс публично высказал мысль о рыцарском мужестве как уместном образце для подражания в период подготовки к будущему, в котором отрокам «предстоит

¹ Forbush, William Byron. The Boy Problem: A Study in Social Pedagogy. Intro. by G. Stanley Hall. Boston: The Pilgrim Press, 1901. – P.23.

иметь дело со многими общественными проблемами»¹. Вскоре психолог Д.Стенли Холл, заявляя, что Америка «становится грандиозной материальной цивилизацией», которой присуща «обширная и сложная организация дела, вбирающая в себя все в большей степени и все раньше лучшие таланты и мускулы юности», заключает: «Мы все чаще забываем, что для полного и завершенного понимания своей роли в жизни молодым нужны передышка, досуг, искусство, легенды, романы, идеалы, одним словом, гуманизм»².

Организованный досуг, искусство, легенды, романы, идеалы стали доступны американским отрокам в рамках клубов, носящих название «Рыцари короля Артура». «Рыцари» пользовались организационной методологией британских скаутов и жили лагерями, но в их организации делался упор на братство и единение; концептуально важным здесь был приоритет духовного, а не «практического». Если идеальным продуктом скаутского движения были разведчики, проворные фронтисмены, то идеальным продуктом «Замков Характера» – местных штаб-квартир клубов – был рыцарь, христианский джентльмен. План действий, разработанный У.Б.Форбушем в памфлете «Рыцари короля Артура: как начинать и что делать», был прост, но универсален. Каждый Замок представлялся «братством, закрытым, но не тайным, самоуправляемым, но находящимся под присмотром местной церкви»³. Цель организации клубного движения состояла в том, чтобы реализовать пророчество о возвращении короля Артура.

В 1902 году была создана женская параллель «Рыцарям короля Артура», известная под названием «Королевы Авалона». В клубах мальчиков/отроков советником был Мерлин; девочек/девушек консультировала Хозяйка Озера. Королевы Авалона, как и Рыцари, прилагали усилия к возрождению «средневековых» ценностей. Эта организация «представляла собой сообщество дам королевского двора, которые в легендах об Артуре жили на магическом острове Авалон, земле цветов и плодов, мира и чистоты, благотворности и исцеления и служили человечеству милосердием и красотой. Это было царство идеальной женственности»⁴.

Деятельность клубов Форбуша не только явилась этапом в становлении американской теории воспитания, но и сформировала условия для приближения американизированной «Артуровской легенды» к личностному началу ре-

¹ Banks, Albert Louis. *Twentieth Century Knighthood: A Series of Addresses to Young Men*. NY: Funk and Wagnalls, 1900. – P.15.

² Ibid, XVII.

³ Forbush, William Byron, and Dascomb Forbush. *The Knights of King Arthur: How to Begin and What to Do*. Oberlin, OH: The Knights of King Arthur, 1915. – P.9.

⁴ Forbush, William Byron. *The Queen of Avalon*. 4th ed.; Boston: The Knights of King Arthur, 1925. – P.7.

бенка, подростка, юноши, а также – к личностному началу каждого желающего начать нравственную жизнь. Клубы Форбуша также стали средой распространения текстов британской артурианы. В «артуровских» клубах, членам предстояло самим открыть азы рыцарской нравственности – в ходе реализации замыслов, нацеленных на взаимодействие с недостижимым, но желанным «двором» взрослых, где их должны были, в конечном счете, понять и принять.

В параграфе 2.6 ««Артуровская» традиция и «модернити» обозначается ряд важных культурологических нюансов, относящихся к культурному наследованию литературной традиции «Артуровской легенды» в эпоху американского модерна. Философское осмысление законов цивилизации, интерпретация сути кризиса, в котором оказался мир после Первой Мировой войны, находит место в работах, подобных «Закату Европы» О. Шпенглера, назвавшего цивилизацию конечной фазой бытия культуры; художественно-символическая интерпретация кризиса культуры была предпринята Т.С. Элиотом в поэме «Бесплодная земля». Элиот признавал, насколько он обязан книге британской фольклористики Джесс Уэстон, исследовавшей миф о Граале в монографии «От ритуала к рыцарскому роману» (1920); именно благодаря раздумьям и творческой интерпретации ряда положений этой книги Элиот приходит к концепции культуры как организма, одушевленного живой энергией¹. «Бесплодная земля» Т.С. Элиота – «культурологическая» поэма, так как ее автор исследует «гештальт» сбывающейся судьбы западной культуры на американской почве и показывает, в каком отношении культура находится к зримой истории, к жизни, к душе, к природе, к духу.

Элиота также интересует, в каких формах культура выступает и в какой мере эти формы (народы, языки, эпохи, битвы, идеи, государства, боги, искусства, произведения искусства, науки, правовые отношения, хозяйственные формы, мировоззрения, великие люди и великие события) могут быть символами и подлежать интерпретации. «Центральность» Бесплодной земли (и сопутствующих ей фигур Увечного Короля и Рыцаря, задающего Вопрос) по отношению к серии мифов из разных культур, в которых присутствуют мотивы нужды в исцелении локального миропорядка – основа творческого замысла Элиота.

Главный тезис поэмы – о взаимозависимости состояния короля и земли – позволяет и «топологии» поэмы, и ее образам отражать одно и то же состояние. Машинистка, ее страдающий фурункулезом любовник – два типичных обитателя трансатлантического мира контор в больших городах. Города XX века и их

¹ Eliot, T.S. Foreword // T.S. Eliot. The Waste Land and Other Poems. L., 1922 (rpt. edn.: N.Y.: Harvest Books, 1963). – VI.

обитатели становятся частью общей мифической рамки поэмы, необходимой для обозначения общности современного человеческого опыта. Все люди в поэме Элиота принимают участие в бесплодии Бесплодной земли. Соответственно, все мужчины разделяют увечье Увечного короля. Та же ущербность отражается «землей» – Лондоном и Нью-Йорком, современными Элиоту. Их мир – апатичный мир, далекий как от мира ритуала, так и от мира рыцарского романа. Решающее прозрение о детрадиционализации как травме американской культуры, которому Элиот во многом обязан интеллектуальной рефлексии Дж. Уэстон, воплощено в сказаниях об Увечном Короле. Оно влечет за собой понимание крупнейшим англо-американским поэтом XX в. необходимости смещения акцента с недостатков Рыцаря Грааля (Старый Свет, британская традиция) на увечье Короля (Новый Свет, американская культура) как проблеме внутреннего характера, которая не разрешима на текущем этапе, но может уйти постепенно, в процессе диалога культур и с опорой на традицию, какой бы архаичной и несовершенной она не представлялась Каждому (Everyman) – этому культурному герою эпохи модерна.

Вклад Элиота в литературную традицию «Артуровской легенды» состоит в производстве новых значений и смыслов, которые лишь условно связаны со всем предыдущим сюжетно-образным «артуровским» компендием. «Бесплодная земля» Элиота свидетельствует об осознанной трансформации литературной традиции «Артуровской легенды», о близости поэту идеи литературы как таковой. Переживание Элиотом причастности современному британскому, либо американскому контексту умеренно; очевиден его скептицизм по поводу «действенности» литературы как фактора нравственных перемен в обществе. Тем не менее, обращение к «Артуровской легенде» свидетельствует о (возможно) неосознанной попытке поэта «исцелить» и литературную традицию в широком смысле слова, и современное ему общество.

Третья глава «ФОРМЫ АДАПТИВНОГО ПОГРУЖЕНИЯ «АРТУРОВСКОЙ ЛЕГЕНДЫ» В МАССОВЫЙ КУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ США» посвящается анализу закономерностей становления традиции частью массовой культуры. В главе уделяется внимание формам адаптивного погружения традиции, которые наиболее характерны для массовой культуры США XX в. – вестернизации, массовизации, примитивизации.

В параграфе 3.1 «Массовая культура как фактор памяти субъекта традиции», носящем теоретический характер, представлен культурологический анализ повсеместно наблюдаемых результатов воздействия массовой культуры на память субъекта. Определяющим фактором в различении культур-

ной сути эпох до Твена и после Твена служит специфика характерных для каждой из них коллективных и индивидуальных мнемонических «практик». Как свидетельствуют исследования М. Хальбвакса, М. Кэмпбелла, П. Нора, Б. Андерсона, А. Хайссена, М. Каммена, Л. Отис, установление национализма на Западе в XIX веке опиралось на новую форму общественной памяти, ставшую продуктом «печатного капитализма», газет, которые играли определяющую роль в создании «воображаемых сообществ», которыми нации и являются. Из-за общественных, экономических и политических перемен, разрушивших религиозные и метафизические представления предыдущих веков, люди, в поисках чувства стабильности, озаботились вопросом истоков, «корней».

Памятники, в изобилии создаваемые на Западе в XIX в., представляются средством «укоренения» европейских наций в определенном культурном прошлом – сначала в прошлом Древней Греции и Рима, а позже в прошлом своих наций. После 1870 года в США можно было наблюдать использование памятников, архитектурных сооружений и других произведений искусства с целью демонстрации преемственности прошлого и верности ему. Использование памятников с подобной целью началось в конце XVIII века, когда национализм и политические идеологии стали играть ту роль, которую религия играла в американской культуре более раннего периода. Национальная история не только стала костяком гражданской религии во времена духовного кризиса «позолоченного века», но и была призвана служить насущным идеологическим потребностям, возникшим вследствие массовой эмиграции. В XIX веке память обычно представлялась коллективной, передаваемой от одного поколения к другому. В начале XX века М. Хальбвакс представил память в качестве общественного феномена. Обретаемая в обществе память зависит, по Хальбваксу, от т.н. социальных рамок памяти. В качестве последних выступают семья, религия, общественный класс. Пределы, налагаемые социальными рамками памяти, не только предоставляют возможность определенным социальным группам реконструировать прошлое, но и выступают в качестве необходимого компонента индивидуальной памяти¹.

В концепции памяти Хальбвакса отводится место лишь географически ограниченными сообществам с «набором» убеждений и чувствований, которые разделяются всеми их членами. Именно в этом смысле модель Хальбвакса может быть применена к общественной памяти Средних веков и XIX века. И в том, и в другом случае коллективная память была призвана укрепить идентичность группы. В Средние века коллективная религиозная память создавалась при помощи живописи и церковного обряда ради консолидации христианства

¹ Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007.

(Каррузерс, Ле Гофф, Секулес, Мале, Босси), а в XIX веке национальная память конструировалась с помощью памятников с целью достижения и поддержания чувства национальной принадлежности у населения определенных географических регионов.

Эпоха модерна с развивающимися технологиями создания коллективной памяти все в меньшей степени подразумевает наличие сообществ, ограниченных строгой географией, поэтому в контексте культуры «модернити» становится возможным переживание, например, легендарного прошлого Британии, либо другой страны. Это переживание становится общедоступным благодаря гению кинематографа. Кино делает возможной трансляцию чужой исторической эмпирики в память индивида, который не переживал и не хотел бы переживать прошлое (как и настоящее) аутентичным путем. Кино, соответственно, способно влиять на «новое» субъективное восприятие традиции, на инновационную, но неизбежно целевую ее интерпретацию. Следовательно, эта «эпоха» делает и возможной, и необходимой новую форму общественной культурной памяти, которую можно обозначить в качестве «протезной». Эта форма памяти возникает на границе взаимодействия «естественной» памяти человека и нарратива о прошлом. В результате взаимодействия сознание индивида помещается в «большую» историю, и индивид не только понимает исторический нарратив, но и воспринимает память о прошлом, окрашенную в тона другой творческой личности. «Протезная» память не является, тем не менее, пассивным образованием; она побуждает субъекта традиции менять свое культурное окружение, способствовать процессу иконизации культурно-исторических идей, подобных идее Артура, определять набор составляющих, которые конституируют обновленный иконический знак традиции.

В параграфе 3.2 «Вестернизация «артуровской» традиции в синема-тографии», построенном на культурологическом анализе «артуровского кино» в США, теоретически обосновывается применимость понятия «вестернизация» к описанию процессов адаптивного погружения «Артуровской легенды» в массовый культурный контекст США. В силу того, что идеи, образы и сюжеты «Артуровской легенды» уже содержат приметы западной цивилизации, вестернизация «артуровской» традиции ассоциируется в диссертации, во-первых, с общей культурологической проблемой Запада и Востока как воплощений дополнительных и антиномичных начал в сложном целом культуры¹, так как Британская Европа (условно) мыслится в качестве Востока относительно Америки; во-вторых, с контрастностью регионов Востока и Запада в самих США, характерным образом окрашивающих региональные воплощения «артуровской»

¹ Гачев Г. Национальные образы мира. М., 1988. – С. 26.

идеи по мере ее продвижения на Запад США в течение XIX века; в-третьих, с вестернизацией как стилистической чертой, характерной для экранных версий произведений «артуровской» литературной традиции – «в вестерне мы видим ясно очерченный <...> поиск Священного Грааля»¹. Фильмы «Рыцари Квадратного Стола, или Грааль» (*Knights of the Square Table, or, the Holy Grail*), реж. А. Крослэнд (1917), «Свет во тьме» (*Light in the Dark*), реж. К. Браун (1922), «Янки при дворе короля Артура», реж. Э.Дж. Флинн (1920), «Янки из Коннектикута» (*A Connecticut Yankee*), реж. Д. Батлер (1931), «Черный Рыцарь» (*The Black Knight*), реж. Т. Гарнетт (1954), «Рыцари на мотоциклах» (*Knightriders*), реж. Д. Ромеро (1981), «Первый рыцарь» (*The First Knight*), реж. Дж. Зукер (1981) свидетельствуют о творческой рефлексии противостояния «восточных» и «западных» ценностей, в том числе противостояния «красной» России и Америки в эпоху «холодной войны»; предоставляют образцы стилизации «под Дикий Запад» художественного мира эпических и сатирических «артуровских» кинополотен.

Материал параграфа 3.3 «Массовизация «артуровской» традиции: от идеи к артефакту» дает возможность проследить процесс массовизации «артуровской» традиции в ее американском движении от идеи к артефакту. Здесь рассматриваются три магистральных направления в превращении британской «артуровской» традиции в традицию американскую. Во-первых, речь идет о метафоризации американского благородства, основанного не на аристократическом происхождении, а на превосходных личных качествах. Двор Артура, Камелот, становится масс-медийной метафорой короткой эпохи Джона Ф. Кеннеди. Идентификация самого Кеннеди как Ланселота закрепляется после его смерти усилиями Жаклин Бовье Кеннеди, журналиста Т. Уайта, историка Белого Дома У. Манчестера. С их подачи, отрабатываемая при жизни Кеннеди концепция «нового фронта» (*The New Frontier*), рассматривалась средствами массовой информации 60-х гг. в качестве «Мечты Артура» (*Arthur's Dream*); «Корпус мира» (*Peace Corps*) характеризовался в качестве содружества «рыцарей Кеннеди, каждый из которых отправился в свой индивидуальный Обетованный Поиск, сражаясь с драконами бедности и приходя на выручку группам населения, оказавшимся в беде, преодолевая трудности во имя благородных целей в землях чужих и далеких»². Во-вторых, речь идет о фольклоризации Артура как неуловимом процессе, подспорьем которого в США выступает обширная «артуровская» ономастика и топонимика (название клубов, магазинов, гости-

¹ Bazin, A. *What Is Cinema?* Berkeley: University of California Press, 1967. Vol.2. – P. 164.

² Knight, W.N. 'Lancer': Myth-Making and the Kennedy Camelot / Avalon to Camelot. – Spring 1986 – #2 (1). – P.31.

ниц, улиц, целых жилых районов в городах, торговых марок), но далеко не только она.

Артур был частью городской карнавальной традиции Нового Орлеана (шоу "krewe knights" Ланселота, Галахада, Гавейна в дни фестиваля Марди Гра с опорой на сюжеты традиционной артурианы; таков и ежегодный бал короля Артура в «Зимнем Дворце Артура»); в ряде городов Восточного побережья США проводятся конкурсы красоты, где одной из номинаций является «Гиневра года». В-третьих, речь идет о коммерческой сфере и связанной с нею потребительской культурой, в контексте которой и «узнавание» Артура, и его легендарная репутация, и само его имя использовались на протяжении всего XX века в качестве особого рода торговой марки. «Организирующая энергия образа» Артура постепенно превратилась в «ядро для окружающих его элементов», вследствие чего образ «достиг высшей степени плотности»¹ – плотности продукта. Стратегии массовой культуры США XX века были нацелены на создание особого конструкта, именуемого «король Артур», который сыграл далеко не последнюю роль в апологии Америки как самой крупной материальной цивилизации, которая не только потребляет, но и имеет право потреблять. Эти стратегии можно обозначить как политизацию «артуровской» традиции (Белый Дом – Камелот), субстантивизацию сюжетно-образного комплекса легенды («артуровские» торговые бренды, «артуризация» американского хлеба), профанизацию «артуровской» традиции (низведение ее до уровня комиксов и настольных игр).

Культурологическое исследование в **параграфе 3.4 «Процессы примитивизации «артуровской идеи»**» дает возможность обозначить три характерных направления в американском масскультурном подходе к прочтению британского «артуровского» послания – ритуально-изотерическое, религиозное, нравоучительное. Каждое из этих направлений показательно, в соответствующей мере, в плане понижения оригинальности, индивидуальности, многообразия, национального колорита и своеобразия «артуровской» традиции; также – в плане манифестации гедонизма и бездумности «общества потребления», перверсии идеи духовного творчества. Ритуальное направление прослеживается в практиках и предписаниях культа Церкви Всеобщей и Торжествующей (далее – ЦВТ), описываемой учредителями в качестве передовика эпохи нового сознания. Культ ЦВТ был основан М.Л. Профетом на базе религиозной общины Саммит Лайтхаус; после его смерти главой ЦВТ стала его вдова, Э.К. Вульф.

¹ Дайскель А., Шлакова Р.П. Торговая марка как система образов // Социология и социальная антропология. СПб.: Алетея, 1997. – С. 126.

В своих книгах Э.К. Вульф прибегала к приему модификации элементов различных легенд, в том числе и «Артуровской», с целью подавления полового инстинкта у последователей культа, привития им апокалиптического мироощущения. Э.К. Вульф возлагает вину за разрушение Камелота на тех, кто вынашивал заговор против Артура и его королевства и предавших не только Артура, но и идею единства, порядка и цели – идею святую и духовную. Понимание единства – важнейшего элемента мифа ЦВТ – близко в предписаниях Э.К. Вульф единству в фашистской идеологии: оно связано с обещанием мира, в котором рассеется хаос. Образ Мерлина «артуровских» легенд важен для вербовки последователей ЦВТ и их адаптации к режиму общины культа. В процессе психотренинга «воспоминания прошлого» (идиллического мира, в котором каждому может быть найдено место), Вульф-Пророк рассказывает о превращении Мерлина в Св. Германа и, в конечном счете, в американца. Прежде чем совершить такой переход, он становится философом и францисканским монахом Роджером Беконем, Христофором Колумбом и Френсисом Бэконом, который, согласно Вульф-Пророк, был законным сыном Елизаветы I и Роберта Дадли, а также подлинным автором произведений Шекспира. Более того, Мерлин якобы находился рядом с Джорджем Вашингтоном на всем протяжении Войны за независимость и призывал к подписанию «Декларации независимости»; Мерлин руководил написанием Конституции и помазал Вашингтона на должность первого президента Соединенных Штатов. Таким образом, эзотерика ЦВТ смыкается с американской историей, что является самой важной ступенью легитимизации культа и основой его коммерческого продвижения.

В связи с направлением религиозной «примитивизирующей» интерпретации традиции «Артуровской легенды», в диссертации рассматривается еще одна клубная подростковая организация, которая отличалась от клубов Форбуша (п. 2.5) по своей концепции и ритуальной практике. Священник Пери Эдвардз Пауэлл основал в начале XX века организацию «Рыцари Святого Грааля», которую описал в одноименной книге с подзаголовком «решение проблемы подростка» (1906). Клубы Пауэлла были задуманы таким образом, чтобы «дух неформального сообщества» (gang spirit) помогал решать ту самую «проблему отрока», о которой писал психолог Холл. Воспитательная стратегия Пауэлла опиралась на «мистические, приватные, скрытные, клановые, рыцарственные и <...> религиозные инстинкты мальчиков»¹. Подопечные Пауэлла были, как правило, в большей степени религиозны, чем подростки в клубах Форбуша; выборный «Мерлин» становился пастором, «верховным попечителем», воле ко-

¹ Powell P.E. The Knights of the Holy Grail: A Solution of the Boy Problem. Cincinnati: Press of Jennings & Graham, 1906. – P.9.

торого надо было повиноваться. В качестве модели поведения для членов клуба Пауэлл также рассматривал поступки главного героя поэмы «Видение сэра Лаунфалья» Дж.Р. Лоуэлла (п. 2.2). Целомудрие Галахада и добродетельность Лаунфалья были предметом особого внимания в курсе лекций (посещение лекций было частью ритуала посвящения в члены клуба).

В последней лекции курса шла речь о Граале; Святой Грааль представлялся той чашей, в которую Лаунфаль набрал воды из источника, чтобы напоить прокаженного, который оказался Христом. Нравоучительное направление в интерпретации «артуровской идеи» проступает наиболее отчетливо в «апологии» Ланселота как любовника Гиневры, которая прочитывается в адаптированных изложениях сюжетов «Артуровской легенды», адресованных юному американскому читателю. Линия дезротизации мотивов поступков героев легенды характерна для книг Говарда Пайла (автора и иллюстратора). Пайл не избегает проблемы внебрачных отношений королевы, но пытается показать эти отношения в наилучшем возможном свете. «Изъян» двойственности сэра Ланселота в любовных отношениях (он женат на Элейне) используется автором-иллюстратором в качестве средства «демократизации» рыцарства: человеческий недостаток помогает читателю идентифицировать себя с героем и имитировать его добродетели, а не пороки: «Если в поведении сэра Ланселота Озерного время от времени и случались изъяны, есть ли в этом мире вообще кто-нибудь, могущий сказать: «Я никогда не совершал ошибок?»¹

В свете исследования, проделанного в третьей главе диссертации, Артур массовой культуры XX века выступает бинарным феноменом.

Во-первых, он является широко востребованным («вирусным») образом, который активно используется для «целевой» репрезентации прошлого в политике, бизнесе, развлекательных медиа.

Во-вторых, «массовый» Артур и другие персонажи, присоединенные к «артуровскому» циклу в США и характеризующиеся хронологической «транзитностью», спорными этническими корнями, переменчивыми этическими кредо, «легендарностью», в которой переплетаются миф, история и биография, — это отражения поиска «массовым» американцем утраченной культурной памяти. Как субститут утраченной культурной памяти, американский «Артур» восполняет недостающие элементы в «иероглифе» традиции, который постепенно «проступает» в национальной культуре США, исцеляющейся после травмы детрадиционализации. Аутентичность такого «иероглифа» традиции сомнительна, но функциональность очевидна. «Восстановленная» традиция и «протезная» память субъекта массовой культуры являются отражениями друг друга.

¹ Pyle, H. The Story of the Champions of the Round Table. N.Y.: Charles Scribner's Sons, 1905. — VI.

В ЗАКЛЮЧЕНИИ подводятся итоги исследования, делаются обобщающие выводы и формулируются предложения и рекомендации.

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях:

МОНОГРАФИИ:

1. Серенков Ю.С. Культурный диалог США и Великобритании в американской артуриане (XIX в. – начало XX в.). Монография. Новокузнецк: РИО КузГПА, 2008. – 20,5 усл. печ. л. ISBN 978 – 5 – 85117 – 336 – 3
2. Серенков Ю.С. Особенности культурного наследования литературных традиций (на материале «Артуровской легенды»). Монография. Новокузнецк: РИО КузГПА, 2011. – 13,9 усл. печ. л. ISBN 978 – 5 – 85117 – 604 – 3

ПУБЛИКАЦИИ В ВЕДУЩИХ РЕЦЕНЗИРУЕМЫХ ЖУРНАЛАХ, ВКЛЮЧЕННЫХ В ПЕРЕЧЕНЬ ВАК:

1. Серенков Ю.С. Традиция американской артурианы в годы становления национально-культурной идентификации США // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». – №2. – 2007. – М.: Издательство МГОУ. – С.216-222 (0,7 п.л.).
2. Серенков Ю.С. Разрушение культурного кода рыцарства (на материале американской литературной пародии: Эдгар Фосет, Оскар Фей Эдамс) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2008. – №1. – С.102-110 (0,8 п.л.).
3. Серенков Ю.С. У истоков формирования культурного кода «рыцарей XX века» в США: американские клубы короля Артура // Вестник Томского государственного университета. – Вып. 315. – 2008. – С.71-75 (0,7 п.л.).
4. Серенков Ю.С. Король Артур как идея, фольклорный герой и артефакт в популярной культуре США // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2009. – № 4. – С.74-82 (0,8 п.л.).
5. Серенков Ю.С. Испытание женщины в эпоху «нового рыцарства»: социологическая артуриана Элизабет Стюарт Фелпс // Социологические исследования. – №11. – 2009. – С.125-133 (0,8 п.л.).
6. Серенков Ю.С. Артуриана Мэлори как нормативная этическая модель рыцарской культуры // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. – Тамбов, 2009. – Вып. 7(75). – С.286-292 (0,7 п.л.).

7. Серенков Ю.С. Общечеловеческие и американские «культурные смыслы» в артуриане иллюстратора Говарда Пайла // Обсерватория культуры. – №2. – 2009. – С.112-119 (0,9 п.л.).

8. Серенков Ю.С. Американская артуриана XIX – начала XX века: опыт культурологической интерпретации // Вопросы культурологии. – №8. – 2009. – С. 47-51 (0,6 п.л.).

9. Серенков Ю.С. Проблема женщины в «Королевских идиллиях» Теннисона (к вопросу о социологии викторианской культуры) // Вестник Томского государственного университета. – Вып. 323. – 2009. – С.129-133 (0,7 п.л.).

10. Серенков Ю.С. «Артуровская Легенда» в США, вторая половина XX века. Опыт социологической интерпретации // Вопросы культурологии. – №9. – 2010. – С.110-114 (0,6 п.л.).

ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ В ДРУГИХ НАУЧНЫХ ИЗДАНИЯХ

11. Серенков Ю.С. Авторы с кельтскими корнями в литературе США: попытка осмысления феномена с позиции современных теорий культуры // Актуальные проблемы языкознания, методики преподавания иностранных языков и перевода. Материалы региональной научно-практической конференции. – Кемерово, 2001. – С.91-92 (0,1 п.л.).

12. Серенков Ю.С. Мотивы мифа и легенд об Артуре в «Великом Гэтсби» // Актуальные вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 50-летию ФИЯ НГПИ. Новокузнецк, 2002. – С.112-118 (0,5 п.л.).

13. Серенков Ю.С. Тема культурной адаптации ирландской диаспоры в мемуарах Фрэнка Мак-Корта // Языковая политика и современные технологии обучения. Материалы международной научно-практической конференции. – Улан-Удэ, 2002. – С.77-79 (0,2 п.л.).

14. Серенков Ю.С. Легенда об Артуре в контексте американского кино 80-90 гг. XX века // Массовая культура США. Материалы международной конференции 6-13 декабря. – М.: Изд-во МГУ, 2002. – С.152-154 (0,2 п.л.).

15. Серенков Ю.С. «Морфология сказки» В.Я. Проппа и ирландское сказание «Сватовство к Эмер» // Проблемы истории и типологии германских языков и культур. Сборник научных трудов. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского государственного университета, 2002. – С.100-103 (0,3 п.л.).

16. Серенков Ю.С. Миф об Артуре в поэме Т.С. Элиота «Бесплодная земля» // *Ad libitum*. Научно-публицистический альманах КузГПА. – Вып. 1. – Новокузнецк, 2004. – № 1. – С.85-95 (0,7 п.л.).
17. Серенков Ю.С. Об одном памфлете времен войны за независимость (к проблеме истоков американской артурианы) // Революции и гражданские войны в России и Америке: сравнительно-исторический анализ. Материалы международной научной конференции 1-4 ноября 2004 года, изданные при поддержке РГНФ. Новокузнецк, 2004. – С.105-106 (0,1 п.л.).
18. Серенков Ю.С. Эдвин Арлингтон Робинсон как автор поэм «Мерлин», «Ланселот», «Тристан» (к вопросу о феномене творческой личности в контексте национальной культуры) // Проблемы и перспективы языкового образования в XXI веке. Материалы IV региональной научно-практической конференции. Новокузнецк, КузГПА, 2007. – С.71-86 (1 п.л.).
19. Серенков Ю.С. Фрески и витражи на сюжеты легенды о короле Артуре в культурных и гражданских учреждениях США // Проблемы филологии и межкультурной коммуникации на современном этапе. Материалы международной научно-практической конференции 27-29 сентября 2007 г. Том 2. Якутск, 2008. – С.214-217 (0,3 п.л.).
20. Серенков Ю.С. Культура власти: идеологическая составляющая литературных обработок легенды о короле Артуре (к вопросу об исторических формах интеграции идеологического и художественного дискурсов) // Основные проблемы лингвистики и лингводидактики. Сборник статей I Международной научной конференции, посвященной 75-летию Астраханского государственного университета. – Астрахань, издательский дом «Астраханский университет», 2007. – С.114-116 (0,3 п.л.).
21. Серенков Ю.С. «Красная угроза» и Вьетнам в популярной артуриане США // Проблемы и перспективы языкового образования в XXI веке. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 55-летию факультета иностранных языков КузГПА. – Новокузнецк, 2008. – С.126-131 (0,4 п.л.).
22. Серенков Ю.С. Курьезная этимология имен в «Истории бриттов» Гальфрида Монмутского: конформизм или патриотизм? // Проблемы и перспективы языкового образования в XXI веке. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 55-летию факультета иностранных языков КузГПА. – Новокузнецк, 2008. – С.131-133 (0,2 п.л.).
23. Серенков Ю.С., Мошина Е.А. Опыт исследования концепта *nobility* на американской лингвокультурной почве XIX в. (в соавторстве) // Концепт и

культура. Материалы III международной научной конференции. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. – С.275-282 (0,5 п.л.).

24. Серенков Ю.С. Музыкальная артуриана США 60-80 гг. XX века: вульгаризация или творческий пересмотр традиции? // Феномен творческой личности в культуре. Материалы III Международной конференции. М., 2008. – С.577-584 (0,5 п.л.).

25. Серенков Ю.С. «Книга – ключевая метафора культуры»: сочинения Томаса Мэлори в изданиях Кэкстона и Винавера // *Ad libitum*. Научно-публицистический альманах КузГПА. – Вып. 2. – Новокузнецк, 2009. – С.52-63 (0,8 п.л.).

26. Серенков Ю.С. Грааль американской популярной культуры: от книги к фильму и обратно // Основные вопросы лингвистики, лингводидактики и межкультурной коммуникации. Астрахань, 2008. – С.110-114 (0,4 п.л.).

27. Серенков Ю.С. От «Заката Европы» к закату Америки: общество и цивилизация в «высокой» артуриане США // Материалы международной научной конференции 2-4 апреля 2009 г. «Филология – Искусствознание – Культурология: новые водоразделы и перспективы взаимодействия». – М., 2009. – С.75 (0,1 п.л.).

28. Серенков Ю.С. Американская артуриана: опыт социологической интерпретации // Культурное многообразие: от прошлого к будущему. Материалы Второго Российского Культурологического конгресса [Электронное издание]. – СПб., Эйдос, 2010. – С.1092-1103 (0,8 п.л.).

29. Серенков Ю.С. О возможности коммуникативного подхода к изучению культурной традиции // Третий Российский культурологический конгресс с международным участием «Креативность в пространстве традиции и инновации». Тезисы докладов сообщений. – СПб.: Эйдос, 2010. – С.322-323 (0,1 п.л.).

Подписано в печать 21.12.2012
Формат 60х84 1/16 Бумага книжно-журнальная
Тираж 120 экз. Усл. печ. л. 2,5
Редакционно-издательский отдел КузГПА
654001 г. Новокузнецк, ул. Покрышкина, д. 16